

ФАРАДЖ КАРАЕВ.

НАСТУПАЕТ «КОНЕЦ ВРЕМЕНИ СЛУШАТЕЛЯ»

В нынешнем сезоне отмечает 80-летие народный артист Азербайджана и заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР, профессор Московской консерватории, один из ведущих композиторов постсоветского пространства Фарадж Караев. В течение осени — зимы прошла серия концертов, где творчество юбиляра было представлено во всем многообразии жанров и направлений.

О том, как рождаются произведения, важна ли общественная деятельность и в чем смысл педагогики в сфере сочинения музыки, Фарадж Караев (ФК) рассказал Евгении Кривицкой (ЕК).

ЕК Фарадж, посмотрела ваш сайт и посчитала, что вами написано около семидесяти оригинальных сочинений и еще десяток транскрипций. Как возникает импульс к созданию сочинения, и играет ли ключевую роль заказ от исполнителя?

ФК Импульс... Импульсом может быть что угодно: строка из стихотворения, случайно услышанная фраза, женское

имя, воспоминание о том, «что могло бы быть, если бы не случилось то, что случилось». Плохое настроение или неожиданная встреча, бакинский хазри (холодный прибрежный ветер. — Примеч. ред.) или бабье лето в Подмосковье. Не программируется...

Что касается заказа, я бы уточнил: существует «заказ», подкрепленный договором, в котором оговорены срок сдачи партитуры, дата премьеры, фигурирует сумма гонорара и т.д. Если в таком «заказе» есть еще и интересный посыл и оригинальная идея, то автор вынужден откликнуться на это интересной партитурой. В этом смысле были заманчивы «заказы», которые спровоцировали меня на написание пьесы «Я простился с Моцартом на Карловом мосту в Праге» или «Маленькой музыки печальной ночи», на «Положение вещей», «Проповедь, мугам и молитву» и Концерт для оркестра и скрипки соло. В каждом было что-то такое, что будоражило воображение и давало простор для фантазии. Например, карт-бланш в выборе состава оркестра в Концерте, в партитуре которого использованы шесть флейт, шесть кларнетов, шесть валторн, но нет скрипок, или предложенный состав ансамбля

в «Проповеди...», в котором солирует азербайджанский тар.

То же касается и редакции партитуры «Лунного Пьеро» Шёнберга, сделанной мной для большого симфонического оркестра, а также партитур шёнберговского «Ожидания» и Скрипичного концерта Берга в переложении для камерного оркестра — это был «заказ» от венского Universal Edition. Правда, в этом случае «гонораром» стала не выплата энной суммы, а включение партитур в каталог издательства, что меня, конечно, полностью устроило.

А есть «просьба» от коллег и друзей-исполнителей «написать что-нибудь интересное и не очень трудное», которую по инерции также называют заказом.

ЕК Из ваших ярких цитат мне приглянулась такая: «Каждый художник имеет право на эксперимент, на поиск, но не надо забывать, что смысл заключен не в бессмысленном броуновском движении, а в обретении цели». Так какова ваша цель как композитора — как бы вы сами сформулировали?

ФК Около шестидесяти лет я занимаюсь сочинительством. Привычное дело — сидеть за письменным столом, заполнять партитурную бумагу загадочными значками, в просторечии именуемыми нотами, и материализовать ростки замысла, который дозревает в процессе работы. Если в итоге получается нечто такое, что принесло удовлетворение, пусть и мимолетное, значит, цель достигнута. Может ли быть целью иной?

ЕК Вы были вице-президентом АСМ, потом сами основали Общество современной музыки Yeni Musiqi в Баку. Для чего вам надо было тратить свое время, энергию для пропаганды «чужой» музыки? Разве не главная ли задача композитора — продвигать свое творчество?

ФК Отнюдь! Главная задача — работа над очередным сочинением. Не менее важно внимательно наблюдать за собой как бы со стороны, чтобы ненароком не перейти ту зыбкую грань, которая отделяет «композитора» от «пишущего музыку».

А пропаганда «чужой» музыки — это то, что сопровождало меня на протяжении всей жизни, приносило удовлетворение и всегда давало яркий творческий импульс. Такие сочинения, как «Прелюдии и фуга», Chain I, «Постлюдия № 1», «Книга для оркестра» и «Три поэмы на слова А.Мишо» В.Лютославского, «Реквием Рикке» Ф.Церхи, «Письмо к Йёста Освальду» Б.Нильсона, «Варьете» М.Кагеля в СССР и на постсоветском пространстве были впервые сыграны

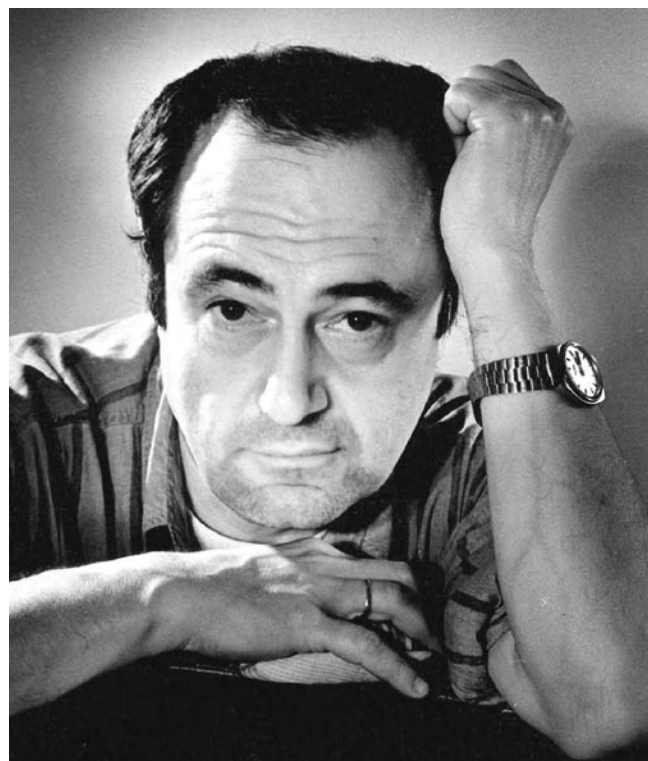
в 1986–2015 годах на Фестивале современной музыки имени Кара Караева в Баку. Симфония Л.Берио впервые была также исполнена в Баку, а затем повторена в Москве на Фестивале «Другое пространство»; «Камерный концерт для 13 инструменталистов» Д.Лигети впервые в СССР был сыгран в Москве на фестивале «Альтернатива» в далеком уже 1988 году Ансамблем солистов Азербайджанского государственного симфонического оркестра под руководством Р.Абдуллаева. И это еще далеко не полный перечень! Хотите, назовите это моим хобби, но жить мне без этого было бы намного скучнее.

ЕК Попадают ли в ваше поле зрения коллеги, чье творчество исповедует иную эстетику, стилистику?

ФК Вы имеете в виду иную музыкальную эстетику и иную музыкальную стилистику? Конечно, попадают! Подобное происходит и без моего участия, это как навязчивая реклама: «Купи, купи, купи!» Но мне не хочется говорить об «ином», ибо это нечто такое, что выходит за рамки, собственно, музыки. Это «иная» реальность, к которой необходимо подходить с «иными» оценочными критериями. Мне это совершенно неинтересно.

ЕК И насколько вы к ним лояльны?

ФК Тем, кого называю «нашими сверхрадикалами», приходится отказывать в том, из чего лепится творческая личность. Демонстрируемое ими лишено таланта, профессионализма и ничтожно по мысли. «Оно» скучно, бессмысленно и во многом рождено неумным желанием влезть-закрепиться-остаться в отходящем автобусе евротренда. На этом фоне редкое исключение — Митя Курляндский.

Он упорно пробивается через все внешнее и наносное, что характеризует музыку его коллег, его незаурядный талант несомненен. Вот кое-что из моих заметок, которые сделаны на концертах «Другого пространства» в 2020 году: «Д. Курляндский “(Ob) version” — хорошая пьеса, все в пределах задуманного. С его бы дарованием — меньше прагматизма и больше жизненного романтизма!» А вот об одном из его коллег: «Похоже на нормально-среднюю “современную” музыку, заслуживает 3+ на госэкзамене в МГК. Талант автора, как и его композиторское мастерство, плохо различимы». И о другом: «А здесь даже наличие современного квантового микроскопа не даст возможности различить и миллимикрон мастерства/таланта. На госэкзамене — не больше 3-». И еще об одном: «...мешанина оркестровых приемов — именно, мешанина, а не россыпь! — не складывающихся в монолитное целое. Слышится не только без интереса, но и с трудом».

Многие коллеги, с которыми мы иной раз обмениваемся мнениями о прослушанном, думают приблизительно так же, но не высказываются во всеулышание, опасаясь прослыть ретроградами. До возгласа же «А король-то голый!», который когда-нибудь все-таки раздастся из зрительного зала, еще очень далеко, ибо голизна этих королей глубоко запрятана в сознании слушателя.

ЕК Чувствуется в этой реплике строгий голос преподавателя. Ваше педагогическое кредо?

ФК В Баку я учил так, как учили меня: от постижения простых форм и овладения классическими камерными составами до определенной свободы, которая на каком-то этапе обучения становилась возможной — небольшой композиторский опыт уже был накоплен. И именно на этом этапе, ближе к диплому, наиболее одаренные студенты, обретая почву под ногами, делали заметные успехи. В Московской же консерватории иные традиции, иной подход — здесь студенту с первых же дней обучения дается гораздо больше свободы, и одаренные ребята сразу же уверенно заявляют о себе. Они с удовольствием экспериментируют, работают с нестандартными составами, включают в свои партитуры запись «конкретных» звуков, работают в направлении «инструментальной конкретной музыки» или, используя компьютерные программы и электронику, постигают достижения французских спектраллистов. Да мало ли что может нафантазировать молодой ищущий студент-композитор! Но проходит несколько лет — и наступает время выпускного экзамена. И многие звездочки, ярко заблеставшие на студенческом небосклоне, начинают меркнуть: за пару лет использован практически весь арсенал средств, доступных композитору, и творческая фантазия постепенно оскудела. А жесткой дрессуре, которая и дает возможность

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА — РАБОТА
НАД ОЧЕРЕДНЫМ СОЧИНЕНИЕМ.
НЕ МЕНЕЕ ВАЖНО ВНИМАТЕЛЬНО
НАБЛЮДАТЬ ЗА СОБОЙ КАК
БЫ СО СТОРОНЫ, ЧТОБЫ
НЕНАРОКОМ НЕ ПЕРЕЙТИ
ТУ ЗЫБКУЮ ГРАНЬ, КОТОРАЯ
ОТДЕЛЯЕТ «КОМПОЗИТОРА»
ОТ «ПИШУЩЕГО МУЗЫКУ»

овладеть композиторским ремеслом (sic!), звездочки жестко сопротивлялись и, как следствие, подвергнуты ей не были. И на поверку выходит: необходимого опыта нет, глубокого постижения основ профессии нет, а есть легкое порхание по верхам чужих достижений. Выживают в такой ситуации лишь единицы, и такие, конечно, есть, талантами мы не обделены, но композиторское будущее остальных весьма проблематично.

ЕК Не этим ли объясняется тот парадоксальный факт, что в Московской консерватории вы преподаете инструментовку, не композицию?

ФК «Со своим уставом в чужой монастырь не ходь» — действительно, поэтому я в свое время и не принял предложения преподавать композицию. Мы с Владимиром Тарнопольским провели немало времени в разговорах на эту тему — дискутировали, спорили, соглашались друг с другом или оставались на противоположных позициях. И в какой-то момент у меня возникла идея: «Возьми меня ассистентом в свой класс, — сказал я ему, — доверь занятия с первогодками, держа их, естественно, под контролем. Но как только я почувствую, что они овладели необходимыми азами профессии (думаю, может пройти от полутора лет до двух с половиной), ты забираешь их у меня и ведешь до диплома».

Но, по мысли Тарнопольского, профессор не может быть ассистентом у профессора — вот формальная зацепка, из-за которой эксперимент осуществить не удалось. А жаль, что-то интересное вполне могло бы получиться!

ЕК Уже несколько лет мы живем в ситуации форс-мажора. На вас оказывает влияние турбулентность внешнего мира, мешает ли это творчеству или, наоборот, рождает идеи?

ФК В моей жизни был случай, когда на протяжении нескольких лет я не подходил к письменному столу. Это случилось после развала страны, в которой я родился, вырос и стал тем, кем стал, — вот вам то, что можно сказать о ситуации форс-мажора. Общая же турбулентность нашего бытия не оставляет в покое: коронавирус, Вторая карабахская война, землетрясение в Турции, жертвы при обстреле Белгорода, йеменские хуситы, взрывы в Севастополе — все это тревожит и гнетет... но иной раз может стать импульсом для возникновения новой музыкальной идеи. Нечто подобное произошло, когда довольно неожиданно для меня самого появилась партитура симфонического «Мемориала».

ЕК Сейчас есть тенденция делать больший акцент на прикладных специализациях — саунд-дизайн, медиаконпозиция, звукорежиссура... Говорят, что писать в чистых жанрах — симфонии, квартета, — это вроде как бессмысленно, этим себя не прокормишь.

ФК Саунд-дизайн, медиакомпозиция, а уж тем более звукоорежиссура — это то, что мне совершенно чуждо, поэтому я не беру на себя смелость судить о явлениях, выходящих за рамки сочинительства. Сегодня писать в чистых жанрах для обретения материального благополучия, конечно, бессмысленно. Но для меня, как и для моих коллег по АСМ-2, «симфонии и квартеты» никогда и не были средством заработка. Большинство из нас имели место службы: Николай Корндорф, Владимир Тарнопольский преподавали в консерватории, Юрий Каспаров и сегодня один из ведущих профессоров кафедры композиции, недавно ушедший от нас Виктор Екимовский до самой кончины занимал должность главного редактора издательства «Д.Д. Шостакович» и проделал колоссальную работу по подготовке к изданию его

нового полного собрания сочинений; Александр Вустин и Дмитрий Смирнов в свое время работали в редакции издательства «Советский композитор» — каждый пытался каким-то образом обрести возможность для регулярного заработка. А сочиняли мы, поверьте, лишь потому, что не могли не заниматься этим «бессмысленным» делом, сочиняли без какой-либо надежды на исполнение и тем более на материальное вознаграждение. АСМ-2 нас объединила и помогла убедиться в правильности наших устремлений, несмотря на немалую разницу между индивидуальностями.

ЕК Можно ли сказать, что вы счастливый композитор?

ФК Если композитор счастлив, значит, он самоуспокоен, а если он самоуспокоился, значит, это уже не композитор.

ЕК А как, по-вашему, наступил ли «конец времени композитора»?

ФК Не уверен, что могу судить о «конце времени композитора», этому мешает абберрация близости. Но то, что наступает «конец времени слушателя», — это очевидно. Информационный поток Интернета неиссякаем и постоянно продолжает насыщаться, из-за чего публика менее охотно, чем это было раньше, посещает концертные залы — в основном это представители среднего и старшего поколений.

В конце октября «Студией новой музыки» был проведен концерт-спектакль «Вечное возвращение», поставленный режиссером А.Смирновым на площадке «ГЭС-2». Название концерту дало сочинение Екимовского, кроме этого в программу вошли опусы Тарнопольского, Раскатова и вашего покорного слуги. Мы были уверены, что спектакль вызовет интерес у молодежи, но в зале вновь были «средне-старшие», хотя справедливости ради надо сказать, что своим вниманием концерт удостоило и консерваторское студенчество. И подумалось: а вбрось-ка какой-нибудь хитрец в соцсети «утку» с напоминанием о том, что «Вечное возвращение» — это один из основных концептов философии Фридриха Ницше, а сей философ, как известно, крайне реакционен. И вышестоящие инстанции планируют запретить концерт, ибо негоже нам популяризовать подобное мракобесие, пусть и в опосредованно-музыкальном виде. И поверьте, что после того, как подобная «информация» разлетелась бы по сети, пришлось бы вызывать конную милицию! Ибо по-иному навести порядок среди сборища любопытных, сочувствующих, жаждущих сенсации, одураченных и просто бездельников-соглядатаев, заполнивших пространство перед концертным залом, было бы просто невозможно! А вы говорите «симфонии и квартеты»!